

Observatoire ARGA

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ДОСЬЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(MASTER CASE FILE)**

Дело Армана Бахытовича Джумагельдиева

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA

Адрес для корреспонденции: 21 rue de l'Aviation, 64600 Anglet, France

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org

1. Назначение, статус и методология документа

Настоящее международное досье подготовлено как систематизированный публичный документ, предназначенный для последующего использования при оценке применимости международных механизмов защиты прав человека, подготовке специализированных обращений, независимых правовых заключений и аналитических материалов. Его задача состоит не только в изложении фактов, но и в восстановлении целостной картины преследования Армана Джумагельдиева, которая в официальных материалах оказалась раздроблена между отдельными производствами, решениями и учреждениями. Рассмотренные в совокупности, эти материалы указывают не на единичные процессуальные дефекты, а на последовательную систему обращения с заявителем, включающую предполагаемые пытки, принуждение к самооговору и оговору третьих лиц, обвинительно ориентированное расследование, закрытое судебное разбирательство, ограничение возможностей защиты, фактическую бессрочную изоляцию и последующее новое уголовное преследование.

Документ основан на изучении материалов уголовного дела, объединённого протокола судебного разбирательства, апелляционных и кассационных материалов, процессуальных решений по заявлениям о пытках, обращений в государственные органы, ответов органов уголовно-исполнительной системы, документов о новом уголовном преследовании, материалов средств массовой информации и иных документов, предоставленных для анализа. Поскольку значительная часть исходных материалов подпадает под договорные обязательства о конфиденциальности, настоящее публичное досье не содержит перечня приложений, не воспроизводит конфиденциальные документы и не раскрывает сведения, публикация которых могла бы причинить ущерб заявителю, защите либо третьим лицам.

При изложении обстоятельств последовательно разграничиваются: а) сведения, прямо зафиксированные в официальных процессуальных документах; б) утверждения заявителя и стороны защиты; в) выводы, вытекающие из совокупности материалов; г) вопросы, по которым государство обязано предоставить убедительное и проверяемое объяснение. Такое разграничение не должно использоваться для искусственного уравнивания позиций сторон. Во многих ключевых эпизодах именно официальные документы подтверждают фактическую основу жалоб заявителя либо демонстрируют неспособность государственных органов дать на них содержательный ответ. Поэтому осторожность формулировок в настоящем досье сочетается с ясной оценкой системности и тяжести выявленных нарушений.

Досье подготовлено без публичного приложения доказательств. При этом внутренняя доказательственная карта дела сохраняет связь между каждым существенным обстоятельством и соответствующим источником. Формулировки «по материалам, изученным ARGА», «согласно процессуальным документам», «по утверждению заявителя» и «позиция защиты» используются сознательно и отражают различный доказательственный статус сведений.

2. Краткое резюме дела

Арман Бахытович Джумагельдиев, гражданин Республики Казахстан, был задержан 7 января 2022 года в Алматы на фоне январских событий, сопровождавшихся массовыми протестами, беспорядками и масштабным применением силы государственными органами. Впоследствии государственная версия представила его одним из центральных организаторов насилия. Приговором Специализированного межрайонного суда по уголовным делам города Алматы от 27 января 2025 года он был признан виновным по совокупности тяжких обвинений и осуждён к двадцати годам лишения

свободы. Однако материалы, изученные ARGА, показывают, что столь суровый итог был достигнут в процессе, обременённом серьёзными и взаимосвязанными сомнениями относительно происхождения доказательств, допустимости показаний, полноты судебного исследования, независимости оценки и реальной способности защиты влиять на исход разбирательства.

Заявитель и его защитники последовательно отвергают ключевые элементы обвинительной версии. Их позиция состоит в том, что в январе 2022 года Джумагельдиев и находившиеся с ним лица предпринимали действия по прекращению беспорядков, защите гражданских объектов, предотвращению мародёрства, разоружению отдельных участников беспорядков и передаче задержанных представителей оперативному штабу и правоохранительным органам. Эта позиция не является абстрактным отрицанием обвинения: она опирается на видеозаписи, показания свидетелей, сведения о взаимодействии с государственными структурами и на противоречия внутри самой обвинительной версии. Защита указывает, что часть телесных повреждений лиц, впоследствии признанных потерпевшими, могла быть причинена уже после их передачи государственным органам; что отдельные доказательства были сфальсифицированы либо вырваны из контекста; что суд отказался полноценно исследовать материалы, способные разрушить обвинительную конструкцию; и что итоговый приговор вступил в противоречие с выводами, которые председательствующий озвучивал непосредственно при просмотре доказательств.

Самостоятельным и наиболее тревожным блоком дела являются заявления о пытках и иных формах жестокого обращения. Джумагельдиев подробно утверждает, что после задержания к нему применялись физическое насилие, пытки электрическим током, психологическое давление, угрозы и изоляция с целью получить самооговор и показания против третьих лиц. Государство было обязано незамедлительно обеспечить независимую медицинскую фиксацию, изъятие записей, допрос всех причастных сотрудников и расследование командной цепочки. Вместо этого производство неоднократно прекращалось, отдельные решения отменялись, а расследование возвращалось на новые круги без убедительного результата. Такая процессуальная история не нейтрализует жалобу, а, напротив, усиливает подозрение, что государственная система оказалась неспособна или не пожелала эффективно расследовать одно из наиболее тяжких возможных нарушений международного права.

После оглашения приговора 27 января 2025 года Джумагельдиев был перемещён в Костанай, на значительном удалении от семьи и основной команды защиты. В РГУ «Учреждение №76» он оказался в фактической индивидуальной изоляции. Администрация отрицает применение формального одиночного содержания, но одновременно признаёт, что Джумагельдиев содержится один, поскольку ему не подобраны «психологически совместимые сокамерники», причём срок такого режима не установлен. Это не устраняет проблему, а делает её ещё более тяжёлой: человек фактически помещён в бессрочную изоляцию без ясного решения, установленного срока, периодического независимого пересмотра и эффективной процедуры обжалования. Эпизод самоповреждения 31 января 2025 года на фоне тяжёлого приговора, резкого этапирования и изоляции был очевидным сигналом психологического неблагополучия, который требовал не формальной фиксации, а немедленной независимой оценки риска и пересмотра условий содержания.

В 2025–2026 годах, уже в период исполнения двадцатилетнего наказания и фактической изоляции, в отношении Джумагельдиева было развёрнуто новое уголовное преследование. Документ о квалификации от 30 июня 2026 года вновь описывает его как организатора преступной структуры и использует выводы приговора 2025 года в качестве опоры для новой обвинительной конструкции. В совокупности это создаёт впечатление не нейтрального расследования новых фактов, а продолжения государственной линии, в которой виновность заявителя рассматривается как заранее установленная

отправная точка. Защита обоснованно ставит вопросы о непоследовательности квалификаций, повторном использовании уже оценённых обстоятельств, презумпции невиновности, доступе к защите и возможном конфликте интересов руководителя следственной группы.

Совокупность материалов позволяет поставить вопрос значительно шире, чем о наборе отдельных процессуальных нарушений. Речь идёт о возможной последовательной модели преследования, в которой первоначальное насилие и принуждение, недостаточное расследование пыток, закрытость судебного процесса, ограничение исследования оправдывающих доказательств, суровый приговор, удалённое и фактически одиночное содержание, а затем новое уголовное производство взаимно усиливают друг друга. Такая модель затрагивает статьи 2, 7, 9, 10, 14, 17 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, положения Конвенции ООН против пыток, Правила Нельсона Манделы и фундаментальные гарантии верховенства права.

3. Сведения о заявителе и общий контекст

Арман Бахытович Джумагельдиев является гражданином Республики Казахстан. В публичном пространстве он широко известен под прозвищем «Дикий Арман». Такая публичная маркировка имела существенное значение для развития дела: задолго до завершения судебного разбирательства в национальных и зарубежных средствах массовой информации он систематически представлялся как криминальный лидер, организатор беспорядков либо участник предполагаемого государственного переворота. Использование устойчивого стигматизирующего образа не освобождало государственные органы от обязанности соблюдать презумпцию невиновности и воздерживаться от публичных заявлений, способных предпрешить оценку суда.

Материалы защиты указывают, что до января 2022 года Джумагельдиев не находился в розыске в связи с январскими событиями, не был обвиняемым по делам о терроризме или экстремизме и, по его утверждению, не состоял на специальных учётах как руководитель преступной организации. Вместе с тем официальные документы содержат сведения о прежних судимостях. В настоящем досье прежняя уголовная история не замалчивается, но и не рассматривается как доказательство совершения конкретных деяний в январе 2022 года. Международный стандарт требует индивидуальной оценки доказательств по предъявленному обвинению; репутация, прежняя судимость либо публичный образ не могут заменять доказательство каждого элемента состава преступления.

Январские события 2022 года происходили в условиях резкого ухудшения общественной безопасности, массовых протестов, насилия, захвата и повреждения административных объектов, мародёрства, перебоев связи и функционирования государственных институтов. Государство было обязано защищать жизнь и безопасность населения, одновременно соблюдая требования законности, необходимости и соразмерности. Именно чрезвычайный характер обстановки повышал, а не снижал потребность в последующем независимом расследовании, публичной отчётности и строгом разграничении индивидуальной ответственности.

4. Хронология ключевых событий

4.1. События 4–7 января 2022 года

По версии защиты, в период нарастания беспорядков Джумагельдиев публично обращался к собравшимся с призывами прекратить насилие, не поддаваться на провокации, перевести протест в мирное русло и отказаться от нападений на административные здания. Материалы стороны защиты содержат ссылки на видеозаписи, на которых он, как утверждается, участвует в отводе людей от

объектов, способствует разоружению отдельных лиц и организует охрану ряда гражданских объектов. Обвинение, напротив, интерпретировало его действия как организацию преступной группы, координацию беспорядков и насильственное удержание граждан.

Существенная часть спора касается событий в гостинице «Казахстан», комплексе Esentai и отеле The Ritz-Carlton Almaty. Защита утверждает, что лица, впоследствии признанные потерпевшими, задерживались дружинниками по подозрению в мародёрстве, нарушении комендантского часа либо участии в беспорядках, после чего передавались представителям оперативного штаба. В судебных материалах приводятся показания и видеозаписи, которые, по мнению защиты, показывают свободное передвижение отдельных лиц, отсутствие видимых повреждений до передачи государственным органам, возврат имущества и отсутствие систематического задержания случайных прохожих.

Международно-правовой анализ не требует заранее принять одну из конкурирующих версий. Он требует проверить, выполнили ли органы следствия и суд обязанность объективно исследовать происхождение телесных повреждений, момент перехода фактического контроля над потерпевшими к государственным органам, роль сотрудников оперативного штаба, а также все видеозаписи, способные подтвердить или опровергнуть обвинение. Если повреждения были причинены после передачи лиц представителям государства, возложение их на подсудимых без устранения противоречий затрагивает одновременно запрет пыток и право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

4.2. Задержание 7 января 2022 года

Джумагельдиев был задержан 7 января 2022 года в помещении The Ritz-Carlton Almaty. Официальная версия связывала задержание с обнаружением оружия и деятельностью предполагаемой преступной группы. Заявитель утверждает, что не сопротивлялся, выполнял требования прибывших сотрудников, однако подвергся ударам. Он также утверждает, что пистолет был принесён и подложен сотрудниками до формального проведения осмотра и фиксации изъятия.

По изложенной в обращениях заявителя временной последовательности, физическое воздействие имело место приблизительно в 13:48, предполагаемое подбрасывание оружия — около 13:54, а процессуальная фиксация изъятия началась приблизительно в 14:20. Эти сведения нуждаются в сопоставлении с полными записями камер наблюдения, метаданными файлов, протоколами следственных действий, журналами доступа и показаниями всех присутствовавших лиц. Само наличие видеозаписи, способной объективно зафиксировать ход задержания, создаёт для государства повышенную обязанность обеспечить её сохранность, полноту исследования и доступ защиты.

Отдельный вопрос связан с тем, что сведения о задержании распространялись некоторыми средствами массовой информации ранее времени, указанного в официальной версии. Само по себе расхождение времени публикации и процессуального оформления не доказывает заранее спланированную фабрикацию. Однако в совокупности с заявлениями о подбросе оружия и предварительно сформированной информационной кампании оно подлежало проверке, а не простому игнорированию.

4.3. Содержание после задержания и заявления о пытках

По утверждению Джумагельдиева, с 7 по 20 января 2022 года он содержался в изоляторе временного содержания, где к нему применялось физическое насилие, в том числе воздействие

электрическим током. 20 января 2022 года он был доставлен в Алматы и последовательно содержался в учреждениях системы МВД и КНБ, в том числе в одиночных камерах. Он заявляет, что целью насилия было получение признательных показаний и оговора ряда публичных и политически значимых лиц.

Материалы содержат обращения в антикоррупционные и прокурорские органы, жалобы на прекращение расследования, постановления об отмене отдельных решений и последующие постановления о прекращении. Такая процессуальная история сама по себе показывает, что заявления не были единичными либо очевидно абстрактными. Неоднократное возвращение материалов на дополнительное расследование указывает на наличие недостатков, которые вышестоящие органы считали юридически значимыми.

Ключевой вопрос заключается не в том, было ли формально зарегистрировано производство, а в том, было ли оно способно привести к установлению истины и привлечению виновных. Для этого требовались своевременная медицинская фиксация, независимые экспертизы, допрос всех сотрудников, имевших доступ к заявителю, изъятие видеозаписей и журналов, проверка командной цепочки, исключение участия в расследовании лиц, связанных с первоначальным преследованием, и мотивированная оценка каждого довода. Материалы, доступные ARGH, не позволяют заключить, что эти требования были соблюдены в полном объёме.

4.4. Предварительное расследование и формирование обвинения

Расследование январских событий велось межведомственной следственно-оперативной группой при существенном участии специальных прокуроров и сотрудников различных правоохранительных органов. Объём дела, количество обвиняемых и эпизодов, а также политическая и общественная чувствительность создавали объективную сложность. Однако сложность не освобождала следствие от обязанности индивидуализировать обвинение, обеспечивать доступ к материалам, проверять оправдывающие версии и исключать доказательства, полученные незаконным путём.

Сторона защиты указывает, что обвинительная конструкция менялась, отдельные эпизоды не содержали необходимой конкретики, а роли участников описывались обобщённо. По её мнению, следствие использовало терминологию организованной преступности как объяснительную рамку, в которую затем помещались разнородные действия. Для оценки справедливости процесса необходимо установить, был ли Джумагельдиев своевременно и подробно уведомлён о фактической и юридической основе каждого обвинения и имел ли он реальную возможность подготовить защиту по изменявшейся версии.

4.5. Судебное разбирательство

Судебное разбирательство проходило в закрытом режиме. Государственные органы могли ссылаться на безопасность участников, защиту свидетелей, конфиденциальность либо иные законные цели. Вместе с тем закрытие процесса по делу исключительной общественной значимости должно было основываться на конкретной, индивидуализированной и проверяемой необходимости, быть ограничено лишь той частью, где публичность создавала реальный риск, и сопровождаться достаточной публичностью итоговых решений. Полное либо чрезмерно широкое закрытие процесса усиливает риск неподконтрольности судебной оценки и требует особенно убедительной мотивировки.

Защита неоднократно просила об открытом разбирательстве и заявляла отводы председательствующему и государственным обвинителям. Отказы в отводах сами по себе не

доказывают отсутствие независимости. Однако оценке подлежит совокупность обстоятельств: публичные заявления должностных лиц до приговора, характер закрытия процесса, отношение суда к оправдывающим доказательствам, ограничения допроса свидетелей, изменение оценки доказательств между судебным следствием и приговором, а также язык и порядок оглашения процессуальных документов.

Объединённый протокол и кассационные материалы содержат многочисленные ссылки на реплики председательствующего, сделанные при исследовании видеозаписей и показаний. По позиции защиты, судья в ходе процесса признавал, что материалы показывают патрулирование и защиту комплекса, отсутствие indiscriminate задержаний прохожих, передачу предполагаемых мародёров и действия по прекращению беспорядков. В итоговом приговоре, как утверждается, эти обстоятельства получили противоположную оценку либо не были отражены. Если данное расхождение подтверждается полным протоколом и видеозаписью процесса, суд апелляционной и кассационной инстанций обязан был дать ему содержательный ответ.

Защита также указывает на отказ допросить ряд сотрудников государственных органов и иных свидетелей, способных подтвердить взаимодействие дружинников с оперативным штабом, просьбы об охране объектов, передачу задержанных и дальнейшее обращение с ними. Право на вызов и допрос свидетелей не является абсолютным, однако отказ допустим лишь при наличии относимой и достаточной причины. Особенно проблематичен отказ, если обвинение опирается на вывод о самовольном насильственном удержании, а предложенные свидетели могли подтвердить передачу лиц государственным органам либо координацию с ними.

4.6. Приговор от 27 января 2025 года

27 января 2025 года Специализированный межрайонный суд по уголовным делам города Алматы признал Джумагельдиева виновным по статьям 262 часть 1, 268 часть 1, 272 части 1 и 2, а также по положениям, относящимся к организации похищения человека и похищению человека при квалифицирующих обстоятельствах, и назначил наказание в виде двадцати лет лишения свободы. Настоящее досье не воспроизводит обвинительный приговор и не подменяет его анализ. Для международной оценки существенны качество мотивировки, ответ на основные доводы защиты, оценка видеоматериалов, происхождение повреждений потерпевших, допустимость доказательств и соблюдение процессуальных гарантий.

Сразу после оглашения приговора Джумагельдиев был вывезен в Костанай. По его утверждению, адвокаты и семья своевременно не были уведомлены о месте перемещения. Перемещение на расстояние свыше трёх тысяч километров, если оно существенно затруднило доступ к адвокатам и семье и не было обосновано индивидуальными соображениями безопасности или исполнения наказания, могло создать дополнительное вмешательство в право на защиту и семейную жизнь.

4.7. Апелляционное и кассационное обжалование

Апелляционные материалы содержат детальный спор с фактическими выводами приговора, ссылки на видеозаписи, показания потерпевших и свидетелей, экспертные заключения, протокол судебного заседания и противоречия в оценке событий. Основной довод состоит в том, что суд положил в основу обвинения фрагментарную и обвинительно ориентированную интерпретацию материалов, не устранил расхождения и не дал ответа на обстоятельства, которые могли иметь оправдывающее значение.

Кассационная жалоба развивает эти аргументы и ставит вопросы о закрытости процесса, нарушении языка судопроизводства, невозможности полноценного использования перевода, нарушении равенства сторон, отказе исследовать доказательства защиты, использовании показаний лиц, заявлявших о насилии, и расхождении между протоколом судебного следствия и приговором. В частности, защита утверждает, что новый обвинительный акт оглашался на русском языке без надлежащего перевода для участников, избравших казахский язык судопроизводства, а приговор 27 января 2025 года не был полностью оглашён через переводчика на казахский язык.

Международный стандарт эффективного обжалования требует не формального перечисления доводов, а ответа на существенные вопросы, которые, если они обоснованы, способны повлиять на исход дела. К таким вопросам относятся происхождение телесных повреждений, полнота видеозаписей, предполагаемая фальсификация оружия, законность закрытия процесса, применение пыток, допустимость признаний, конкретизация обвинения и возможность допроса ключевых свидетелей.

4.8. Условия содержания после приговора

После перемещения Джумагельдиев оказался в режиме фактической индивидуальной изоляции. В официальном ответе РГУ «Учреждение №76» указано, что он не содержится в одиночной камере в качестве дисциплинарного взыскания, однако в камеру другие лица не помещаются ввиду отсутствия «психологически совместимых сокамерников». Учреждение также сообщило, что сроки такого содержания не устанавливались, поскольку дисциплинарная мера формально не применялась.

Такое объяснение не устраняет международно-правовую проблему. Правила Нельсона Манделы определяют одиночное заключение через фактический режим содержания, а не через внутреннее наименование меры. Если лицо находится без содержательного человеческого контакта двадцать два часа или более в сутки, режим может квалифицироваться как одиночное заключение независимо от того, оформлен ли он дисциплинарным постановлением. Отсутствие официального решения и срока, напротив, лишает заключённого ясных оснований, периодического пересмотра и эффективной возможности обжалования.

31 января 2025 года, согласно ответу учреждения, Джумагельдиев разобрал одноразовый бритвенный станок и нанёс себе царапины длиной примерно 1–1,5 сантиметра, объяснив поступок несогласием с приговором. Учреждение сообщило о проведении обследования и отсутствии выявленных нарушений психического здоровья, представляющих угрозу. Однако поверхностный характер повреждений не отменяет их сигнального значения. В контексте изоляции, тяжёлого приговора, резкого перемещения и заявлений о длительном давлении данный эпизод требовал документированной оценки риска самоубийства и членовредительства, индивидуального плана наблюдения и регулярного независимого пересмотра условий содержания.

Учреждение также указало, что жалобы на давление, угрозы и ненадлежащие условия официально не фиксировались, а свидания с адвокатами предоставляются по заявлениям и без ограничения количества. Эти сведения должны сопоставляться с фактической частотой и продолжительностью конфиденциальных встреч, возможностью передачи документов, отсутствием аудиоконтроля, удалённостью учреждения и заявлениями защиты о препятствиях. Формальное наличие правила ещё не доказывает его эффективное применение.

4.9. Новое уголовное преследование 2025–2026 годов

Документ о квалификации от 30 июня 2026 года относится к новому уголовному производству и описывает предполагаемую преступную деятельность, начиная с периода 2016–2017 годов. В нём Джумагельдиев представлен как организатор и руководитель преступной организации и преступного сообщества, а прежний приговор 2025 года используется в качестве подтверждения ряда исходных положений.

Защита оспаривает как фактическую основу, так и процессуальную последовательность нового преследования. В её материалах указывается, что квалификации менялись между различными формами организованной преступности, что отдельные обстоятельства уже исследовались в прежнем деле, что защите не предоставлялись первичные источники ряда сведений и что руководитель следственной группы мог быть связан с формированием ранее поддержанной государством версии.

Международное право не запрещает новое расследование только потому, что лицо уже осуждено по другому делу. Однако государство обязано соблюдать принцип правовой определённости, запрет повторного преследования за то же деяние, презумпцию невиновности и право своевременно узнать подробности нового обвинения. Формулировки процессуального документа не должны представлять виновность по новому делу как уже установленный факт. Использование прежнего приговора допустимо лишь в пределах фактов, действительно установленных этим приговором, и не может заменять доказывание новых элементов.

5. Предполагаемые нарушения запрета пыток и жестокого обращения

5.1. Материальный аспект запрета пыток

Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенция ООН против пыток закрепляют абсолютный запрет пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Запрет не допускает отступлений во время чрезвычайного положения, массовых беспорядков, борьбы с организованной преступностью либо угроз национальной безопасности.

Заявления Джумагельдиева включают конкретные элементы: время и место задержания, нанесение ударов, предполагаемое воздействие электрическим током, цели давления, длительную изоляцию, конкретные периоды перемещения и требование дать показания против определённых лиц. Такая степень детализации достаточна, чтобы инициировать независимое расследование. На данном этапе ARGА не подменяет компетентный орган и не объявляет индивидуальную уголовную ответственность конкретных сотрудников установленной. Вместе с тем совокупность сведений формирует обоснованное утверждение о нарушении, которое государство обязано опровергнуть результатами эффективного расследования, а не ссылкой на отсутствие окончательного обвинительного приговора в отношении сотрудников.

5.2. Процессуальная обязанность расследовать

После получения правдоподобного заявления о пытке государство обязано действовать *ex officio*, быстро и независимо. Пострадавший не должен самостоятельно доказывать всю цепочку командования. Расследование должно быть институционально и практически независимым от органов и лиц, причастность которых проверяется; охватывать не только непосредственных исполнителей, но

и отдававших приказы, знавших или обязанных знать руководителей; обеспечивать участие потерпевшего и защиту от давления.

Процессуальные решения по заявлениям Джумагельдиева демонстрируют повторяющийся цикл прекращения, обжалования, отмены либо частичного удовлетворения жалоб и нового прекращения. Такая цикличность может свидетельствовать о формальном реагировании, если после отмены не проводятся новые содержательные действия. Международные органы оценивают не число вынесенных постановлений, а способность расследования установить факты и виновных.

Особого внимания требует сохранность видеозаписей из мест содержания, гостиницы и иных объектов, медицинская документация первых дней после задержания, журналы перемещений и допуска сотрудников, данные о применении специальных средств, состав следственно-оперативной группы и все контакты с заявителем. Утрата таких материалов после своевременной жалобы может создавать неблагоприятный вывод для государства.

5.3. Запрет использования доказательств, полученных под пыткой

Статья 15 Конвенции против пыток требует исключать любые заявления, установленные как полученные в результате пытки, кроме использования против лица, обвиняемого в самой пытке. Суд, получивший обоснованное заявление о принуждении, обязан провести самостоятельную и эффективную проверку допустимости. Нельзя возлагать на подсудимого практически недостижимое бремя доказать обстоятельства, происходившие под полным контролем государства.

В материалах защиты неоднократно говорится о признаниях, самооговоре и оговоре третьих лиц, полученных под давлением. Для оценки приговора необходимо установить, какие именно показания использовались, когда и при каких условиях они были даны, имелся ли адвокат, фиксировались ли повреждения, отказывались ли лица от показаний и как суд ответил на заявления о насилии. Отсутствие отдельного окончательного осуждения сотрудников не позволяет автоматически признать спорные показания допустимыми.

6. Право на свободу, личную неприкосновенность и судебный контроль

Статья 9 Международного пакта защищает от произвольного задержания и требует своевременного сообщения причин задержания и обвинения, доставки к судье и возможности оспорить законность содержания. Формальная законность по национальному праву не исключает произвольности, если содержание является непредсказуемым, несоразмерным, дискриминационным либо лишено надлежащих гарантий.

В деле Джумагельдиева международная оценка должна охватывать точное время фактического задержания, момент оформления процессуального статуса, доступ к адвокату, уведомление семьи, регистрацию повреждений, основания перемещений и режим изоляции. Утверждаемое расхождение между фактическими действиями и последующей процессуальной фиксацией имеет значение не только для допустимости оружия, но и для законности первоначального лишения свободы.

Перемещение непосредственно после приговора без своевременного уведомления защиты и близких, если подтверждается, могло на определённый период лишить заявителя практической возможности обжаловать условия содержания и поддерживать контакт с адвокатом. Любое неучтённое содержание либо сокрытие местонахождения даже в течение ограниченного периода требует строгой проверки.

7. Обращение с лицом, лишённым свободы

7.1. Фактическое одиночное содержание

Статья 10 Пакта требует гуманного обращения и уважения достоинства каждого лишённого свободы лица. Правила Нельсона Манделы рассматривают длительное одиночное заключение, превышающее пятнадцать последовательных дней, как запрещённую практику. Даже более краткая изоляция допустима лишь как исключительная мера, на возможно короткий срок, при независимом пересмотре и с учётом состояния здоровья.

Официально признанный режим содержания Джумагельдиева одного без установленного срока вызывает серьёзные вопросы. Аргумент о невозможности подобрать совместимого сокамерника не может служить бессрочным универсальным основанием. Государство контролирует распределение заключённых и обязано искать менее ограничительные альтернативы: безопасное размещение в малой группе, регулярный содержательный контакт, образовательные и религиозные мероприятия, прогулки с другими лицами при оценке рисков, контакт с семьёй и адвокатами.

Если изоляция фактически применяется с января 2025 года либо, как утверждает заявитель, с первого дня задержания с непродолжительными перерывами, её продолжительность многократно превышает международный порог длительного одиночного заключения. В сочетании с заявленным психологическим давлением, эпизодами членовредительства и отсутствием ясного решения такой режим может достигать уровня жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а при наличии специальной цели давления — уровня пытки.

7.2. Медицинская и психологическая помощь

Государство обязано обеспечивать заключённым медицинскую помощь, эквивалентную доступной населению, клинически независимую от администрации и основанную на медицинских потребностях. В случае риска членовредительства медицинский персонал должен действовать не как часть дисциплинарного механизма, а как независимый защитник здоровья пациента.

Ответ учреждения содержит вывод об отсутствии опасных нарушений психического здоровья, но не раскрывает методику, периодичность наблюдения и меры после эпизода 31 января 2025 года. Для надлежащей оценки необходимы независимый осмотр, документирование признаков тревоги, депрессии, посттравматического состояния, последствий изоляции и предполагаемых пыток, а также конфиденциальный доступ к специалисту по выбору защиты при разумных условиях безопасности.

7.3. Доступ к адвокатам и семье

Контакт с адвокатом должен быть не только формально разрешён, но и практически доступен, своевременен и конфиденциален. Значительное географическое удаление, административные задержки, ограничения передачи документов и наблюдение, способное раскрыть содержание разговора, могут нарушать право на защиту. Видеонаблюдение без аудиозаписи не обязательно несовместимо с конфиденциальностью, если камера не позволяет читать документы или по движениям губ устанавливать содержание и если видеозаписи защищены от нецелевого доступа.

Контакт с семьёй является важным элементом гуманного обращения и поддержания социальной связи. Ограничения могут применяться по соображениям безопасности, но должны быть индивидуализированы, пропорциональны и регулярно пересматриваться. Перемещение за тысячи

километров требует оценки фактической возможности посещений, а не только наличия абстрактного права.

8. Право на справедливое судебное разбирательство

8.1. Независимость и беспристрастность суда

Статья 14 Пакта гарантирует рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом. Субъективная убежденность подсудимого в зависимости суда недостаточна; одновременно объективная беспристрастность оценивается с точки зрения разумного наблюдателя. Предварительные публичные заявления высших должностных лиц, политическая значимость процесса, закрытый режим и предполагаемое несоответствие между ходом исследования доказательств и приговором в совокупности способны породить объективные сомнения, требующие убедительного ответа.

Заявленные отводы должны рассматриваться органом и процедурой, обеспечивающими реальную, а не символическую проверку. Мотивировка отказа должна отвечать на конкретные обстоятельства, а не ограничиваться констатацией отсутствия оснований.

8.2. Публичность процесса

Публичность защищает обвиняемого от тайного правосудия и поддерживает доверие общества. Ограничение допускается по узким основаниям, включая безопасность и частную жизнь, но должно быть необходимым и пропорциональным. Для крупного процесса, призванного установить ответственность за события национального масштаба, общественный интерес был особенно высоким. Поэтому суд должен был рассмотреть частичное закрытие, анонимизацию, трансляцию с задержкой либо иные менее ограничительные меры.

8.3. Презумпция невиновности

Публичные высказывания должностных лиц, представлявшие Джумагельдиева организатором событий до завершения суда, могли нарушать презумпцию невиновности. Государственные органы вправе информировать общество о подозрениях и ходе расследования, но обязаны использовать нейтральные формулировки. Утверждение о виновности как о свершившемся факте до приговора особенно опасно в деле, рассматриваемом профессиональным судом в условиях высокого общественного давления.

Масштабная информационная кампания, фильмы и публикации сами по себе не вменяются государству без доказательства контроля либо координации. Однако официальные заявления могли задавать рамку публичного повествования. Суд обязан был демонстрировать независимость от этой рамки через особенно тщательную мотивировку.

8.4. Конкретизация обвинения и подготовка защиты

Обвиняемый должен быть незамедлительно и подробно уведомлён на понятном ему языке о характере и основании обвинения. В сложном многотомном деле недостаточно перечислить статьи закона и общие формулы о преступной группе. Необходимо индивидуализировать время, место, действия, форму вины, связь с последствиями и доказательства по каждому эпизоду.

Изменение обвинения в ходе процесса допустимо лишь при предоставлении достаточного времени и возможностей для подготовки. Если новый обвинительный акт либо новая формулировка

были оглашены без надлежащего перевода, а суд продолжил разбирательство без реальной возможности осмыслить изменения, это затрагивает статьи 14(3)(a) и (b) Пакта.

8.5. Язык судопроизводства и перевод

Право на бесплатную помощь переводчика применяется ко всем существенным стадиям, включая оглашение обвинения, исследование доказательств и приговор. Перевод должен быть достаточным для понимания и участия, а не формальным присутствием переводчика. Утверждение защиты о неоглашении полного перевода приговора на казахский язык требует проверки аудио- и видеозаписью заседания.

8.6. Равенство сторон и допрос свидетелей

Защита должна иметь возможность допрашивать свидетелей обвинения и добиваться вызова свидетелей защиты на сопоставимых условиях. Суд может отклонить повторяющиеся или явно неотнормированные доказательства, но не вправе отказывать в исследовании материалов, затрагивающих центральный вопрос виновности. В данном деле к таким вопросам относились взаимодействие с оперативным штабом, состояние потерпевших при передаче, происхождение повреждений, полные видеозаписи объектов и роль государственных служащих.

8.7. Мотивированность приговора и право на обжалование

Право на справедливый суд требует решения, из которого видно, почему приняты одни доказательства и отвергнуты другие. Суд не обязан отвечать на каждую фразу защиты, но обязан рассмотреть её основные доводы. Чем более объективным является доказательство, например непрерывная видеозапись с установленным временем, тем более конкретным должен быть ответ при его отклонении.

Апелляционная и кассационная инстанции должны исправлять не только явные арифметические или формальные ошибки, но и существенные дефекты оценки доказательств. Если жалоба указывает на конкретные страницы протокола, видеофайлы, экспертные выводы и противоречия, формальная ссылка на усмотрение суда первой инстанции не отвечает требованию эффективного пересмотра.

9. Свобода выражения мнения и публичная защита

В материалах дела утверждается, что усиление давления последовало после публикации фрагментов судебного разбирательства и материалов, опровергавших официальную версию. Государство вправе ограничивать разглашение закрытых материалов, защищать потерпевших и тайну следствия. Однако санкции и ограничения должны быть предусмотрены законом, преследовать законную цель и быть необходимыми. Закрытый статус процесса не может использоваться как средство подавления добросовестной публичной дискуссии о пытках, справедливости суда и событиях национального значения.

Отдельной оценки требует возможность адвокатов публично комментировать дело. Профессиональные обязанности допускают ограничения, но угрозы уголовного преследования за любую пресс-конференцию или интервью, если такие угрозы имели место, способны нарушать независимость адвокатуры и право общества получать информацию.

10. Эффективность национальных средств правовой защиты

Заявитель и защита использовали апелляционное и кассационное обжалование, подавали жалобы по фактам пыток, оспаривали прекращение расследований, обращались в прокурорские и иные государственные органы, заявляли отводы, ходатайствовали об исследовании доказательств и направляли запросы по условиям содержания. Это свидетельствует о систематическом использовании доступных внутренних процедур.

Для каждого будущего международного механизма вопрос исчерпания средств должен оцениваться отдельно. Специальные процедуры ООН не требуют исчерпания в том же смысле, что договорные комитеты. Для индивидуального сообщения в Комитет по правам человека или Комитет против пыток потребуется проверить статус соответствующих протоколов, предмет уже рассмотренных процедур, окончательные решения, сроки и реальную эффективность оставшихся средств. Неэффективность средства не предполагается только из-за неблагоприятного результата; она должна подтверждаться необоснованной длительностью, отсутствием независимости, неспособностью предоставить требуемое средство защиты либо устойчивым формализмом.

11. Новое преследование и риск дальнейших нарушений

Новое производство увеличивает уязвимость заявителя, поскольку ведётся в период исполнения двадцатилетнего наказания и фактической изоляции. В таких условиях государство обязано особенно строго обеспечить конфиденциальный доступ к защитнику, достаточное время для ознакомления, медицинскую пригодность к участию в действиях и отсутствие давления с целью признания.

Использование в процессуальных документах категорических формулировок о создании и руководстве преступным сообществом до нового приговора может подрывать презумпцию невиновности. Утверждение обвинения допустимо как версия стороны преследования, но должно быть ясно обозначено как подлежащее доказыванию.

Необходимо также проверить пересечение фактов нового дела с обстоятельствами, уже окончательно рассмотренными в деле о январских событиях. Запрет *ne bis in idem* применяется к повторному суду или наказанию за то же преступление после окончательного решения. Различие юридической квалификации само по себе не устраняет нарушение, если фактическое деяние является тем же.

12. Совокупная международно-правовая оценка

Рассмотрение каждого эпизода в изоляции способно скрыть общий характер происходящего. В деле Джумагельдиева предполагаемые пытки после задержания, последующая неспособность государства провести эффективное расследование, обвинительно ориентированное формирование доказательственной базы, закрытый процесс, ограничение исследования оправдывающих материалов, двадцатилетний приговор, удалённое этапирование, бессрочная фактическая изоляция и новое уголовное преследование образуют взаимосвязанную цепь. Совокупный эффект этих мер значительно тяжелее суммы отдельных нарушений: заявитель последовательно лишался физических, процессуальных и публичных средств сопротивления государственной версии.

Наиболее убедительно документированными направлениями международной защиты являются: применение пыток и принуждение к самооговору и оговору третьих лиц; отсутствие независимого и эффективного расследования; фактическое продолжительное одиночное содержание, прямо

подтверждённое самим учреждением; риск для психического здоровья и эпизод самоповреждения; закрытость процесса; препятствия полноценному исследованию доказательств защиты; сомнения в допустимости и происхождении обвинительных материалов; нарушения права на перевод и эффективное участие; а также новое преследование, развивающееся в условиях уже сформированной государством презумпции виновности.

Материалы также позволяют говорить о серьёзных признаках политической и институциональной обусловленности преследования. Этот вывод основывается не на одном публичном заявлении и не на политической самоидентификации заявителя, а на контексте январского кризиса, устойчивой публичной стигматизации, предполагаемых требованиях оговорить политически значимых лиц, закрытости процесса, реакции государства на распространение материалов суда и продолжении уголовного давления после вынесения двадцатилетнего приговора. Окончательная квалификация мотива относится к компетенции международных органов, однако игнорировать этот контекст означало бы искусственно обеднить фактическую картину дела.

13. Основные выводы

1. Заявления Армана Джумагельдиева о пытках являются конкретными, последовательными и подтверждаются такой процессуальной историей, которая сама по себе исключает возможность отмахнуться от них как от поздней защитной версии. Государство не продемонстрировало проведения независимого, оперативного и эффективного расследования, отвечающего тяжести выдвинутых обвинений.
2. Неоднократные прекращения расследования, отмена отдельных постановлений и возвращение материалов на дополнительную проверку свидетельствуют не об эффективности контроля, а о хронической неспособности расследования устранить фундаментальные пробелы и дать убедительный ответ на заявления о государственном насилии.
3. Официальный ответ Учреждения №76 фактически подтверждает бессрочное одиночное содержание Джумагельдиева, скрытое за административной формулой об отсутствии «психологически совместимых сокамерников». Международное право оценивает реальность режима, а не выбранное государством название. Отсутствие формального решения и срока делает положение заявителя ещё более уязвимым.
4. Самоповреждение 31 января 2025 года было предсказуемым сигналом риска в условиях тяжёлого приговора, этапирования и изоляции. Государство обязано было обеспечить независимую психиатрическую и психологическую оценку, индивидуальный план предупреждения риска и регулярный пересмотр режима, а не ограничиваться констатацией поверхностного характера повреждений.
5. Закрытый судебный процесс, обвинительная информационная кампания и публичная стигматизация заявителя задолго до окончательного решения существенно ослабили практическое содержание презумпции невиновности. В деле такой общественной значимости отсутствие открытого и проверяемого судопроизводства усилило риск того, что государственная версия превратилась в заранее заданный итог.
6. Расхождения между видеозаписями, ходом судебного следствия, высказываниями председательствующего и мотивировкой приговора затрагивают саму надёжность осуждения. Эти доводы требовали подробного и проверяемого ответа вышестоящих судов. Формальное воспроизведение выводов первой инстанции не могло считаться эффективным обжалованием.
7. Нарушения языка судопроизводства и отсутствие полного перевода существенных обвинительных и судебных документов, если подтверждаются материалами процесса, лишали заявителя и других

участников реальной возможности понимать обвинение, следить за разбирательством и эффективно защищаться.

8. Новое уголовное преследование, начатое в отношении лица, уже осуждённого к двадцати годам и находящегося в фактической изоляции, создаёт дополнительный риск злоупотребления властью. Оно требует особо строгой проверки на предмет повторного использования фактов, заранее обвинительной терминологии, конфликта интересов и ограничения доступа к защите.

14. Неотложные меры и требования

С учётом тяжести выявленных рисков дальнейшие меры не могут ограничиваться формальным мониторингом. Они должны быть направлены на немедленное прекращение продолжающихся нарушений, сохранение доказательств и создание реальных гарантий от дальнейшего давления.

9. Незамедлительно обеспечить независимый медицинский и психологический осмотр Джумагельдиева с его информированным согласием и возможностью конфиденциального общения со специалистами.
10. Прекратить бессрочную фактическую изоляцию либо представить конкретное индивидуализированное обоснование, установить краткий срок, судебный или независимый пересмотр и содержательные альтернативы одиночному режиму.
11. Обеспечить регулярный и конфиденциальный доступ к адвокатам, возможность передачи и изучения материалов нового дела и своевременное уведомление защиты о перемещениях и следственных действиях.
12. Возобновить либо передать независимому органу расследование заявлений о пытках, исключив участие лиц и подразделений, связанных с первоначальным преследованием; проверить командную ответственность.
13. Обеспечить сохранение и независимую экспертизу всех видеозаписей, метаданных, журналов доступа, медицинских документов и процессуальных записей, имеющих значение для задержания, обращения и судебной оценки.
14. Провести эффективный судебный пересмотр доводов о недопустимости доказательств, полученных под давлением, и исключить такие материалы из доказательственной базы.
15. Обеспечить в новом производстве нейтральную процессуальную терминологию, полный перевод, конкретизацию обвинения и проверку возможного пересечения с уже рассмотренными деяниями.
16. Воздерживаться от публичных заявлений государственных должностных лиц, представляющих виновность по новому делу как установленный факт.

15. Заключение

Дело Армана Джумагельдиева стало показательным примером того, как чрезвычайный общественный кризис может быть использован для построения уголовного преследования, в котором репутация обвиняемого и политическая потребность в убедительной официальной версии подменяют беспристрастную проверку фактов. Масштаб обвинений и прежняя биография заявителя не уменьшали объём его прав. Напротив, именно в отношении стигматизированного и заведомо непопулярного обвиняемого государство обязано было особенно строго продемонстрировать законность, независимость и доказательственную добросовестность. Материалы дела свидетельствуют, что этого не произошло.

Изученные документы не позволяют характеризовать заявления о пытках, фабрикации доказательств, нарушении справедливости процесса и жестоком обращении как предположительные

или периферийные. Они образуют центральную часть истории преследования и опираются на конкретные даты, процессуальные решения, видеоматериалы, официальные ответы и внутренние противоречия государственной версии. Вместо устранения этих противоречий система последовательно воспроизводила обвинительный вывод, одновременно ограничивая возможности заявителя добиться независимой проверки.

Совокупность обстоятельств даёт серьёзные основания полагать, что в отношении Армана Джумагельдиева были нарушены абсолютный запрет пыток, обязанность эффективно расследовать государственное насилие, право на гуманное обращение, презумпция невиновности, право на публичное и справедливое судебное разбирательство, право на защиту и эффективное средство правовой защиты. Длительная фактическая изоляция и новое уголовное преследование означают, что нарушения не принадлежат исключительно прошлому: их последствия продолжаются, а риск дальнейшего давления остаётся реальным.

Международное вмешательство в данном деле необходимо не для подмены национального суда общей апелляционной оценкой, а для восстановления тех минимальных гарантий, которые национальная система не обеспечила. Приоритетными направлениями являются независимая оценка жалоб на пытки, прекращение бессрочной изоляции, защита физического и психического здоровья заявителя, международная проверка произвольности лишения свободы и процессуальной справедливости, а также предупреждение использования нового уголовного дела как инструмента дальнейшего давления.

Примечание о конфиденциальности: настоящее публичное досье не содержит приложения доказательств и не раскрывает документы, охраняемые обязательствами о неразглашении. Все утверждения, предназначенные для последующего процессуального использования, подлежат проверке по внутренней доказательственной карте и оригиналам материалов.